

18+

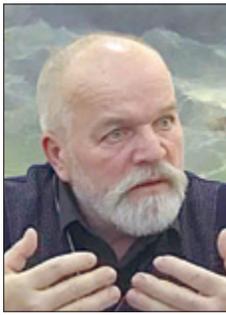
Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №3 2020 ГАЗЕТА

Сергей Михеенков / Студёное море

МИХЕЕНКОВ Сергей

Родился в 1955 году в деревне Воронцово Калужской области. Служил в Советской Армии на Чукотке. Работал механизатором, учителем в сельской школе, редактором районной газеты «Рассвет», научным сотрудником в Тарусском краеведческом музее. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР (семинар Эрнста Сафонова).

Публикуется в журналах «Москва», «Наш современник», «Юность», «Молодая гвардия», «Нёман», «Родина», еженедельниках «Литературная газета», «Литературная Россия», других периодических изданиях. Автор многочисленных книг прозы, биографий выдающихся людей России.

ДЕЛА ЛИТЕРАТУРНЫЕ

В Шанхайском университете иностранных языков состоялся третий форум молодых писателей Китая и России. Первый проходил здесь же в 2015 году, а второй — в 2018 году — в Москве.

В преддверии форума известный китайский филолог и переводчик, знаток русского языка и литературы, директор Шанхайского института мировой литературы, профессор Чжен Тиу совершил поездку по регионам России, встречаясь с писателями и лично отбирая для участия в Форуме самых талантливых и перспективных молодых авторов. Активное участие в организации Форума принял Союз писателей России.

В Шанхай прибыли 12 молодых авторов вместе с председателем Иностранной комиссии СП России, арабистом и переводчиком Олегом Бавыкиным и писателем, главным редактором журнала «Роман-газета» Юрием Козловым, который поехал в качестве наставника, а проще говоря — мэтра. Несколько книг Юрия Козлова переведены и изданы в Китае, фрагменты его произведений публикуются в китайских литературных журналах.

Молодые писатели — участники этого и прежних Форумов — Алёна Белоусенко, Юрий Лунин, Сергей Мурашев, Андрей Антипин — являются авторами «Роман-газеты», лауреатами литературной премии журнала и партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ «В поисках правды и справедливости».

В мероприятии принял участие Советник президента РФ по вопросам культуры Владимир Толстой. Он заявил, что тесные встречи молодых писателей России и Китая способствуют укреплению культурных отношений между двумя странами.

Фото: Иван Каргапольцев / ТАСС

Русские и китайские молодые писатели «братья навек»

Заместитель председателя Союза писателей Китая Ли Цзинцзэ отметил, что русская литература сыграла огромную роль в развитии культурной жизни Китая.

«Девяносто пять процентов прозаиков и девяносто девять процентов поэтов сегодня издают произведения за собственный счёт или вымалывают гранты у власти, — сказал в своём выступлении на Форуме Юрий Козлов. — Материально писателям живётся сегодня нелегко. Впору вспомнить знаменитую статью советского классика прошлого века Юрия Казакова “О мужестве писателя”. Польза таких Форумов как сегодняшний, — отметил главный редактор “Роман-газеты”, — заключается в том, что помимо взаимного узнавания писателей Китая и России, они способствуют созданию нормальных условий для профессиональной работы литераторов, призывают к соблюдению разумного баланса на книжном рынке между произведениями позитивной (в плане традиций и нравственности) и негативной, отрицающей эти понятия, направленности. В России сегодня нарождается и зреет новая лите-

ратура. Рано или поздно она переформирует сложившуюся ситуацию.

Шанхайский Форум — это живые контакты писателей Китая и России, определение точек творческого соприкосновения, обсуждение представляющих взаимный интерес проблем. Всё это жизненно необходимо молодым авторам!»

Главный редактор «Роман-газеты» выразил признательность за организацию Форума большому другу России, знатоку её литературы профессору Шанхайского университета иностранных языков Чжен Тиу. Подобные встречи нужны писателям, читателям, переводчикам, литературоведам, а главное читателям Китая и России. Ведь читатели — это и есть народы наших стран, сказал Юрий Козлов.

По итогам форума было решено перевести и опубликовать произведения китайских и российских писателей в литературных журналах двух стран. Было также предложено ввести дополнительную номинацию для молодых переводчиков в литературную премию «В поисках правды и справедливости».

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:

Дмитрий Белюкин
Юрий Бондарев
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

В оформлении обложки
использованы
работы художника
В. Н. Латынцева

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2020

Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
www.gazety.ru

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства
«Роспечать»

70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге
«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2020 №3 /1848/ Основана в 1927 г.

Сергей Михеенков

Студёное море

Жизнь и удивительные приключения устюжанина, славного атамана сибирских казаков Семёна Дежнёва и его удалых товарищей

Роман-биография

«А преж, государь, меня в тех местах никакой русской человек не бывал...»

Из челобитной стрелецкого сотника царю. XVII в.

Глава первая В УСТЬЯХ ЮГА

Почти весь XVI век Царство Российское затратило на замирение своих буйных соседей. Замирив, шагнуло в степи и леса Заволжья, а в XVII ушло «за Камень», за Уральский хребет, в Тартарию, в неведомую Сибирь, растеклось отрядами казаков, стрельцов, ватагами купцов, землепашцев, кузнецов-рудознатцев и «государевых служилых людей». Царство приобретало новых подданных, обширные уголья, промыслы и рыбные ловли, земли, наполненные сокровищами нетронутых недр, а самое главное, с освоением Сибири, от Северного Ледовитого океана до Тихого, Россия определила себе совершенно иное будущее, обеспечив на века промышленность и сельское хозяйство огромными ресурсами и обогатив свою душу разноцветьем и глубиной народных культур.

В этом, казалось бы, громадном движении на восток, на самом деле многое определяла первая охотничья тропа русского человека, первая борозда русской сохи в нетронутых тучных землях, способных рожать и рожать, первый парусный коч на беспокойных водах таёжной реки, выходящей в просторы покуда ещё неведомого моря. Берега той реки были полны соболями и куницами, редкими рудами, камнями, а море — промысловым зверем и теми возможностями, которые были ещё смутны. И тем сильнее они волновали дерзкое сердце первопроходца. У нас, русских, были и свои магелланы, и колумбы. На просторах Сибири магелланами и колумбами оказались казаки.

Одним из них был устюжанин Семён Иванович Дежнёв. Служилый казак. Мореход. Охотник. Строитель и следопыт. Путешественник и воин. Дипломат и миротворец. Государев человек.

Как часто случается с людьми такого масштаба, как Семён Иванович Дежнёв, право называться родиной оспаривают две земли, два края.

Поморы его считают своим. Мол, пинежанин, и по Пинеге в прежние годы жило много Дежнёвых. Да и как же ему, такому удалому, не быть помором, когда он так умело управлял кочем¹ и его командой, не боялся выходить в Студёное море, во льды и со знанием дела читал поморские лоции? Другие утверждают, что Дежнёв родом с Северной Двины.

Большинство же историков, исследователей Русского Севера и Сибири, а также биографов великого первопроходца родиной Семёна Ивановича Дежнёва считают Устюг — городок на реке Сухоне близ устьев её при слиянии с другой рекой Русского Севера — Югом. Отсюда, кстати, происходит и название города — от традиционного в нашем родном языке словосочетания — *усть-юг*. Язык немного обкатал это словосочетание, обрубил, подстрогал, как искусный плотник, лишнее, чтобы не цеплялось, да и внёс в свой словарь, оставил теперь уже навсегда — Устюг.

В месте слияния рек на высоком обрывистом берегу, в рельефе которого угадываются очертания городища и рукотворного вала, стоит Троице-Гледенский монастырь.

В древнейшие времена местные земли были освоены переселенцами из Владимиро-Суздальского княжества. Согласно местным преданиям, которым, надо заметить, веры подчас куда больше, чем иным документам, сам великий князь Всеволод Большое Гнездо, взойдя на холм Глядень, восхитился красотой здешних мест, удобством расположения и с точки зрения географической, и военной, а потому повелел заложить здесь украинный острожек. Так появился городок Гледен. Постепенно разрастаясь, город вообрал в себя угро-финское поселение, испокон веков существовавшее здесь. Вскоре оказалось, что паводковые воды разрушают берег, подмывая городскую стену. Северные реки в пору весенних половодий свенравны, а порой и грозны, жестоки в своём разгуле.

В то время обострилась борьба между могущественными соседями. Новгородцы напирала с севера, захватили верхнее и среднее течение реки Сухоны, активно заселяли новые земли, осваивали охотничьи угодья и рыбные ловли, выжигали места под распашку. Основали города Вологду и Тотьму. А с запада, с Волги и Оки, шли владимирцы и суздальцы. Чтобы закрепить за собой земли двинского края в нижнем течении Сухоны, основали новый город рядом с древним Гледеном, в четырёх верстах выше по течению Сухоны на противоположном левом берегу. Назвали его Устюгом.

Вот откуда в крови устюжан, вологжан, тарножцев, кошкаргов и других уроженцев Русского Севера эта кровная жажда путешественников, промыслови-

ков и первооткрывателей. Новгородские и владимиро-суздальские гены разливали и множили пассионарность в своих потомках, расселившихся по Сухоне, Югу, Северной Двине и её многочисленным и могучим притокам.

Удобное расположение, контроль устьев двух крупнейших северных рек и выход в полноводную Северную Двину способствовал росту нового города. Сюда тут же начал переселяться посадский и ремесленный люд из Гледена. Предприимчивое купечество тут же нашло выгодное приложение своих трудов. Капиталы вкладывались в городское строительство, в стены и храмы. Строились дома, исады², лабазы, амбары.

Первое летописное свидетельство об Устюге относится к 1207 году — город упоминается в числе прочих, отданных Всеволодом Большое Гнездо в удел одному из своих сыновей.

А Гледен стал пустеть. И в те годы, когда Семейка Дежнёв и Ерофей Хабаров, поступив на государеву службу, с отрядами казаков уходили догонять свою судьбу в Сибирь, на Гляденском холме стал подниматься монастырь. Местные хроники свидетельствуют о том, что обитель здесь была учреждена и существовала ещё во времена домонгольские. Место видное, дороги и тропы сюда были натоптаны, по всей вероятности, ещё людьми финно-угорского племени. И приходили они сюда, чтобы поклониться своим богам Тапио, Лиеккио, Турисасу³...

Братия Троице-Гледенского монастыря во все времена была малочисленной. Прочные каменные стены обители служили другую, параллельную, как это водилось тогда, службу — военную, пограничную.

Соседи здешнему краю достались буйными и жестокими.

В 1218 году город пережил первое разорение от волжско-камских булгар. Когда Устюг был отстроен вновь, к радости его жителей, между Владимирским княжеством и Камско-Волжской Булгарией было подписано перемирие. Стала развиваться торговля, шёл иной обмен, способствовавший, как сказали бы теперь, экономическому и культурному развитию и Русского Севера, и Камско-Волжской Булгарии.

Во время великого разорения Руси Батыем здешний край, как отмечено в местных хрониках: «Спасибо болотам!» — горькой участи миновал. Однако в Устюг по тем дебрям и хлябям удивительным образом пробрался отряд татар, который и водворил здесь баскака по имени Багуй. Однако ханский назначенец продержался недолго. В 1262 году, когда по русским городам прокатилась волна восстаний и жестоких расправ над посланниками Великой Степи, Багуй, понимая, что бежать не удастся — леса стали

¹ Коч — мореходное парусное судно поморов и сибирских промышленников.

² Исад (исады) — пристань на берегу, где осуществляется привоз и разгрузка-погрузка разного товара, торговое место, базар.

³ Тапио, Лиеккио, Турисас — языческие боги древних финнов.

ещё гуще, а болота обширней, — благоразумно принял крещение.

Но не милостивей стрелы татарской оказалось копье новгородское.

Предприимчивые новгородцы к тому времени уже контролировали ход по Северной Двине, хозяевами себя чувствовали на двинских берегах. Сухона тоже в основном принадлежала им. Но устья удерживали владими́ро-суздальские гарнизоны, надёжно прикрываясь стенами Гледена и Устюга. Чтобы пройти водным путём на Север, новгородским и вологодским купцам надобно было платить немалый сбор за проезд. Порой лихие ватаги устюжан попросту нападали на новгородские караваны и самым варварским образом грабили их. В отместку новгородцы таким же разбойным способом опустошали окрестности крайних владими́ро-суздальских городов.

В документах второй половины XVI века в названии Устюга появляется титул: «Великий». Повышение статуса города было связано с той ролью, которое определил ему в истории строительства Государства Российского по обстоятельствам той поры Иван IV Грозный. Здесь было расквартировано опричное войско.

Москва рвалась к морям. Но Чёрное и Азовское моря закрывали турки, а Балтийское — шведы. В этих обстоятельствах был открыт Северный морской путь, который пролегал из Москвы в Западную Европу зимником до Вологды, здесь товары перегружались с саней на суда, дальше по Сухоне через Великий Устюг в двинские воды до Холмогор, а там в Белое море и — вокруг Скандинавского полуострова в «немцы», как русские купцы и мореплаватели называли французов, датчан, норвежцев, фарерцев, фризов и свеев.

Сухоно-двинская магистраль Москве служила долго и, пока русскими государями, армией и флотом не были прорублены новые окна в Европу через тёплые моря, оставалась основной и единственной водной дорогой на Запад.

В Великом Устюге торговый путь «в немец» сходился с «древним Печорским путём» — по притоку Северной Двины реке Вычегде в заповедную глубину Северо-Западной Сибири. Устья Вычегды, вон они, их с гледенской колокольни можно увидеть — в нескольких верстах ниже по течению Двины у Котласа, у Жёлтых Вод.

У хлеба, как говорят, не без крох. Живя на столь бойком пути, устюжане в полной мере пользовались этим благом. Приобретали не только материальное. Со всех концов двинскими, московскими и заморскими ветрами задувало сюда учёных людей, грамоту, древние свитки, рукописные и первопечатные книги, новые инструменты и новое оружие, а также науку, как всем этим добром пользоваться, чтобы приносить прибыль и себе, и своей семье, и городу, и государству.

Русский поход в Сибирь, «объясачивание» коренных народов и племён, приведение в повиновение московской власти местных князей, шаманов и ханов не всегда и не везде проходили гладко и мирно. История покорения Сибири — а именно такое словосочетание вошло в наш язык — полна примерами самыми разнообразными, зачастую противоположными по самой своей сути.

В том числе и такими: в 1604 году в Москву в составе посольства прибыл князь Тоян, предводитель татар-эуштинцев, населявших низовья реки Томи. Князь подал челобитную Борису Годунову о приёме эуштинского народа под власть Русского царства и просил позволения построить в его эуштинской земле города, чтобы мог он «всех государевых непослушников» «сказывать и приводить... под государеву царскую высокую руку». Такое послушание было немедля поощрено: высочайшим повелением «томские люди» были освобождены от ясака. Вот такие вполне себе «офшорные» зоны создавали московские государи в новых землях и среди народов, добровольно, «любовью» входивших в состав Великого Царства.

Другой пример. Летом 1624 года две партии мангазейских промышленников отправились на Лену. Были ль среди них устюжане, неизвестно. Но известно, что назад, в Мангазею, никто из этой экспедиции не вернулся. Все были перебиты кочевавшими в среднем течении Лены тунгусами из рода шилиги́ров.

Глава вторая НОЧЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ПУТ

Казак залегли за валунами и деревьями, приготовили самопалы¹. Ждали новой атаки ламутов². Но те, загнанные огненным боем русских в протоку, заросшую кедровым стлаником, больше не показывались.

Дежнёв стоял за лиственницей и, положив пшаль на холку обросшего сизым лишаем камня, внимательно следил и за протокой, и за тем, как медленно продвигаются к кедрачу его казаки. Бережно придерживая самопалы с дымящимися фитилями, они охватывали заросли стланика полукольцом и готовы были в любой момент снова открыть огонь и доделывать начатое.

Стрелу, угодившую ему в ногу чуть ниже колена, он вырвал сразу же и отшвырнул на снег. Рана, по всей вероятности, была не опасной. Костяной наконечник пробил олений камус, а заодно и сыромятную кожаную подкладку мехового сапога-бакаря и засел в икре. Боли он не чувствовал. Видимо, толстая лосиная кожа погасила удар стрелы, и наконечник вошёл неглубоко. А может, боль просто затаилась, ждёт, когда пройдёт горячка, и тогда она ударит в ногу по-настоящему. Такое уже случалось. Он прислу-

¹ Самопалами в XVII веке называли пшали и мушкеты.

² Л а м у т ы — одно из тунгусских племён (предки эвенов), кочевавшее на северо-востоке Якутии между Индигиркой и Колымой.

шался к своему телу: нет, всё же ни сустава, ни жилы стрела не задела, рана движениям не мешала.

Уголёк фитиля тихонько посапывал, дымил, издавая будоражащий запах селитры, пеньковый окурок потихоньку уменьшался. Чуть погода Дежнёв осторожно продёрнул фитиль, чтобы, когда настанет время, уголёк достал свободно до жáгры¹, затравка воспламенилась бы без помех, разом, и огонь мгновенно пробил к самому заряду.

Казаки сделали по четыре выстрела. Расстояние до нападавших было небольшим, и до десятка тел, растерзанных пулями, лежали на буром, подплавленном полуденным весенним солнцем, тяжёлом снегу. После четвёртого залпа Дежнёв подал команду к перемене огня:

— Ребята, — крикнул он казакам, — жеребьём²!

И сам быстро, одним движением, очистил от порохового нагара полку и затравочное отверстие, нащупал полную пороховницу, насыпал затравки, потом забил шомполом заряд. Жеребьё так и загремело в глубину нагретого ствола, надёжно улеглось на пыж. Готово.

Казаки, тоже привычные к этой работе, быстро зарядили свои пищали и, перебираясь от одного гольца к другому, которые высоко торчали из-под снега, вплотную подобрались к уцелевшим после неудачной атаки и затаившимся в кедраче ламутам. Предстояла последняя, и решающая, схватка.

Но засевшие в протоке оказались хитрей. Бросаться на обоз они больше не осмеливались. Силы их теперь примерно сравнялись. Потому вступить в открытый бой с русскими, вооружёнными пищалами, при таких потерях становилось опасно. Добиться же своего решили другим способом.

Над головами казаков раздался прерывистый свист. Сперва показалось, что засвистели на ветру ветви обступивших их лиственниц.

Дежнёв заметил, как шагах в сорока от него качнулась ветка кедрача, и тут же стрела с ярко-белым оперением, с шипящим прерывистым свистом, нарастающим с каждым мгновением, ушла в сторону обоза.

Когда началась заматня и из-за деревьев посыпались стрелы, опытные в таких делах якуты-проводники сразу сыпанули с нарт в снег. Олени остановились, сунулись мордами в снег, беспокойно захоркали. Казаки, во всё время пути державшие самопалы под рукой, не мешкая встали в оборону. Первый залп грохнул нестройно, но всеми стволами.

Между тем, ободрённые тем, что им удалось воспользоваться внезапностью, ламуты атаковали. Они выскочили из кедрача и по мёрзлому насту, который ещё не ослабел после ночи, быстро начали сближаться с обозом, погонщиками и казаками. Ламуты

что-то кричали, рычали и потряхивали пальмами³, топорами и луками. Если бы началась резня, неизвестно, чем бы дело закончилось.

Вот тут всё и решила расторопность дежнёвской ватаги. Понимая, что в стёмном бою⁴ им не удержаться, слишком неравны силы, казаки по команде Дежнёва разрядили пищали и мушкеты почти в упор. Второй залп слился в единый протяжный рёв, словно гаркнула десятипудовая затинная пищаль. В снег полетели куски ламутских куяков⁵ и кожаных нагрудников. Доспехи, которые могли защитить от сабли и даже от удара копьём, десять золотников мягкого свинца, пропущенного через пулелейку, пробивали, как молодую бересту. Нападающие, явно не ожидавшие такого проворного и жестокого отпора от немногочисленного отряда русских бородачей, дрогнули и отошли.

Позже, уже после схватки, осматривая убитых, казаки поняли, почему ламуты так поспешно бежали в заросли стланика после первого залпа и почему так яростно атаковали во второй раз. Обычно происходило не так. Тунгусы всегда готовили засаду тщательно, нападали, как рысь, неожиданно, и так же, как рысь, сразу же уходили в тайгу, в самую чапыгу, в непроходимую чернь, если первая атака не удавалась и добыча выскальзывала из рук.

Олени заволновались, начали сбиваться в кучу. Затрещали нарты. Закричали погонщики и проводники. Стрелы! Дежнёв понял, что животных беспокоили именно стрелы, которые ламуты начали пускать туда, куда он приказал отогнать обоз и до поры удерживать оленей там, среди елей и лиственниц. Всё же какая-никакая, а защита.

— Семён! Надо палить! — крикнул один из казаков, теряя терпение.

Казак, видимо, тоже был ранен.

— Нет! Вперёд! Ждать моего выстрела!

Окрик Дежнёва мгновенно погасил вспыхнувшую лихорадку среди казаков. Опытным глазом человека, не раз попадавшего в подобные обстоятельства, он заметил, как стали оседать в снег его казаки, как опасно заглядывались по сторонам и на товарищей, двигавшихся неподалёку в одной шеренге.

Снова засвистели, теперь сразу в несколько голосов, тунгусские стрелы.

Олени застучали рогами. Один из быков, увлекая за собой пристяжного, молодого оленя, который послушно повторял всякое движение передовика, вырвал из снега воткнутой хорей⁶ и понёс гружёную

³ Пальма — разновидность копья с наконечником в виде большого ножа, который крепился на длинном древке. Пальмой можно было и колоть, и рубить.

⁴ Стёмный бой — рукопашный бой.

⁵ Куяк (от монгольского хуяг) — доспех с нашитыми на груди металлическими или костяными пластинами.

⁶ Хорей — шест погонщика оленьей упряжки. Длинной около семи сажень (5 метров). На толстом конце имеет железный, а на тонком — плоский, костяной наконечник.

¹ Жáгра — ружейный замок с фитильным воспламенителем.

² Жеребьё (жеребья) — рубленый из литого прутка свинец. Сечёнка. Волчья картечь.

нарту по откосу горы. Это был Нестер, самый крупный и самый норовистый бык в их запряжках. Остановить его было непросто. Вскоре повозка опрокинулась, затрещали полозья и копыльные дуги. Но поклажа была увязана надёжно, и, сломав одну из оглобелей, олени зарылись в снег, нарта упёрлась в голец, и стащить с места они её, к счастью, не могли. Вскоре олени выбились из сил и успокоились, уткнув морды в снег.

Качнулась ветка кедрача, и из-за неё высунулась голова в железном шишаке. Ламут поднял лук.

Дежнёв подул на кончик фитиля, прицелился и нажал на курок. Вспыхнула затравка, и тут же раздался затяжной выстрел. Он сразу понял, что попал. Пуля не пропала, как случается во время промаха, а шлёпнула, словно угодила в тонкую льдину, под которой обнаружилась вода. Когда пуля улетала в пустоту, звук не возвращался. А этот вернулся и ударил лёгким толчком одновременно в плечо и в руку.

Кедрач зашевелился. И тотчас, вслед за Дежнёвым, казаки открыли нестройную, но прицельную пальбу.

В очередной раз зарядив самопалы, они немного подождали и пошли осматривать трофеи.

Проводники-каюры¹ тем временем кинулись вырывать убежавшую упряжку. Они выпрягли передовика и пелея², подняли нарту и начали развязывать кожаные ремни, разгружать поклажу. Нарту перекобочило, и она, видимо, нуждалась в починке.

— Смотри-ка, братцы, что тут дееся... — Дружинко Нестеров бережно тыкал стволом самопала стальные доски куяка на убитом ламуте. — Бронь-то уж больно знакомая. А, Семён?

Дежнёв молчал. Куяк он сразу узнал. Увидел — и словно обухом по голове... Как не узнать, если около года сам владел им. Вот отметина от татарской стрелы. А вот царапина от пальмы енисейского остяка. А вот, на плече, память о сабельном ударе. Башкирец ему тогда попал ловкий. Махнул кривой саблей так, что чуть из седла не вынес. После того боя у него долго болело плечо. А Влас Калуга потом выпрямлял в кузнице железную чешую и менял разрубленные кольца креплений. Вскоре за дюжину чёрных соболей Дежнёв купил у заезжего немчина лёгкую, как нательная рубаха, кольчужку. А тяжёлый куяк уступил Митрёе Зуёку, старому казаку и своему другу из отряда Василия Пояркова.

Старыми принято было называть тех казаков, которые приходили на новое место с первым отрядом, кто ставил стены острога и рубил первые избы для зимовья. Хотя по возрасту они могли быть моложе молодых.

Митрей Зуёк в казаки записался тоже в Устьюге. В Ленском городке устюжан было много. Сам Василий Поярков, сотник Михайло Стадухин. Но эти

двое уже выбились в начальство, вскидывали головы, на простых рядовых казаков и промышленников поглядывали воеводами. Особенно Михайло. Им в друзья-товарищи Дежнёв не лез. У Семейки постепенно образовался свой артельный круг. А когда старшие звали сослужить очередную службу, шёл к ним не ломая шапки, но помня: чин чина почитай, а меньшей садись на край.

Митрей Зуёк, Прон Тарнога, Василько Устюжанин, а с ними завсегдашний компаньон Дружинко Нестеров. Все они были из Устьюга. А такие, как Влас Калуга и оставшиеся в остроге Басок Титков, Ортюшка Ерин и Первушка Гузё, хоть и были пришлыми да беглыми, но записались в реестр тоже в Устьюге.

Прошлой осенью Василий Поярков собирал в угодьях якутов и эвенов ясак. Послал в одно из селений троих казаков. Местный князец соболей давать не хотел. Казаки припугнули самопалами и ясак взяли сполна. Но проводил тойон поярковцев стрелами. Когда те возвращались в острожек, где их ждал пятидесятник, на них напали в тесном распадке. Казаки приняли бой. Но вскоре вынуждены были отступить. Ламутов было много и наседали они со всех сторон с воинственными криками и жутким воем. Под Зуёком убили коня. И сразу несколько тунгусов, как волки на споткнувшегося сохатого, кинулись на Зуёка, не успевшего высвободить придавленную седлом ногу. Тот пытался отбиваться лёжа, махнул раз-другой саблей, но ламуты кинулись с разных сторон одновременно и одолели казака своим множеством.

Дежнёв с тремя казаками и племянником купца Гусельникова Дружинкой Нестеровым ходил на Алдан объясничать тамошних якутов. Узнал об участии Зуёка, когда вернулся. Отпросился у воеводы сходить к месту гибели товарища. В проводники взял одного из казаков, уцелевших в той схватке.

Ничего не нашли. Тело, видать, растащили росомахи и мелкое зверьё, соболь да колоноши. Нашли ламутскую стрелу с характерным костяным наконечником-свистуном, оперённую чёрными перьями вóрона, а неподалёку, на дереве, вздынутую на толстый сук пихты голову коня — обглоданный и омытый дождями, вылизанный солнцем и ветрами череп с лохмотьями седой шерсти. Казаки узнали в нём Серка — доброго коня Митрея Зуёка. Не вынес Серко своего хозяина из той битвы. Первым принял смерть.

Помянули обоих и пустились в путь, искать стойбище ламутов. Но никого тогда не нашли. Тунгусы ещё кочевали вдоль Алдана и притоков, охотились, ловили рыбу. Нашли несколько одиночных юрт, осмотрели скудный скарб кочевников, ничего не обнаружили, взяли ясак и, считай ни с чем, вернулись домой в свой надёжный острог.

Митрей был другом детства Семейки Дежнёва. Вместе росли, играли на берегу Сухоны в «чижикиа», ловили окуней и щук в реке и в протоках. В пасхаль-

¹ Каюры — погонщик оленей или собак, запряжённых в нарту.

² Пелей — второй олень, пристёгнутый к передовику (вожаку), который определяет направление движения.

ные дни, когда уже весело пригревало солнышко, залезали на колокольню монастырской церкви и звонили на всю округу под присмотром глухого звонаря Пахомки. С Митреем Семейка построил в деревне Лодейке первую лодку, на которой ходили потом до Тотьмы и выше, к островам Дедов, Бабий и Внуков, ловили рыбу в устьях Стрельны, Юрменьги, Морденьги, Луженьги, Нижней Ерги и Леденьги. Вместе у ночных костров на островах мечтали о плавании к Студёному морю, где много зверя и всяких богатств, за которые в родном Устюге где-нибудь в Дымковской слободе можно было запросто купить дом, много скота, завести соляную варницу, винокурню или кожевенный двор, открыть на торгу в большом площадном ряду лавку и таким образом разбогатеть. Встать вровень с Гусельниковыми и Грудцыными. Нанимать ярыжных и ходить на просторных паузках за товаром в разные дальние края, хоть в Архангельск, а хоть в Сибирь. Обсуждали, кто чего сколько со своего богатства накупит и каких коней заведёт. Семейку влекло не столько богатство, сколько неведомая даль. Хотя мечталось в первую очередь пособить родителям, выдернуть их из тягла, которое становилось уже непосильным.

Когда повзрослели и начали наступать девкам на пятки, вместе плавали на лодке в Заречье и там, в Дымковской слободе, бились с деревенскими парнями за первых красавиц. Часто возвращались в разорванных рубахах, по дороге окуная в прохладные воды Сухоны разбитые в честной драке скулы и носы.

Когда из воеводской избы вынесли грамоту о наборе вольных и гулящих людей в казаки для государевой службы в сибирских острогах и прокричали её сперва на торгу, а потом во всех слободах, оба разом поняли — вот она, решается их судьба, догнала их годы.

И вот Митрей Зуёк, верный друг и товарищ, спутник всех его дорог и свидетель всех надежд и чаяний, убит, и Семейке, так и не узнавшему подробностей его последнего часа, кажется, выпало узнать их, а заодно и посмотреть в глаза убийцам. Одному из них, быть может, самому главному и самому повинному, в глаза уже не посмотришь, они затворены навсегда. Пуля — не стрела, уже не отвернёт.

— Мужик-то важный был. Жеребейка ему прямо в лоб закатилась...

Убитый лежал на камне, острым горбом выпиравшем из затоптанного снега, забрызганного сгустками крови. Тело парило, и что-то в нём казалось как будто ещё живым. Живыми казались и кровавые сгустки под ногами. Они свернулись, обмётанные снегом, будто высыпка новорождённых какого-то неведомого и плодovitого зверька. И казаки, подхитившие взглянуть на богато облачённого в дорогой доспех ламута, старались на них, на этих кровавых ежат, притворившихся мёртвыми, не наступать.

— Набрызгали, бусурмане чёртовы...

Дежнёв окинул взглядом затоптанный склон протоки и свою ватагу. Приказал:

— Дружинко, и ты, Влас, осмотреть кедрач. Раненых перевязать. Оружие собрать. Брони и сряду, которая гожая, тоже. — И резко повернулся к казаку, стоявшему за его спиной и внимательно следившему за протокой и кедрачом. — А ты, Василько, веди сюда князёнка.

Казак Василько Устюжанин, сбив на затылок лисью шапку, тут же побежал к обозу. Вскоре вернулся. Он подталкивал перед собою здоровенного якута, перед которым казался подростком, и, хищно посвечивая яркими, как глубинный лёд, голубыми глазами из-под опущённых куржаком бровей, насмешливо сказал:

— Ну, Урманко, узнаёшь рódника?

— Какой он мне родник? — зашипел Урман, и глаза его с припухшими смуглыми веками стали ещё уже. — Сын росомахи, вот кто он, а не родник.

— Говори дальше, — сказал Дежнёв.

Дежнёв внимательно наблюдал за Урманом, за выражением его лица. Аманат¹ знал, что нельзя хитрить со старшим казаком, которому на этот раз поручили важное дело — доставить в Ленский острог богатый ясак, собранный с племён байдунцев, ольгейцев, эргитов, одучейцев и других, живших на берегах реки Яны. Опасно обманывать Семейку Дежнёва. Казак он не лукавый, прямой, как кедр, и не любит, когда пытаются хитрить и пытаются ломать его прямоту. Да и зачем хитрить Урманке? Если люди Токменя одолеют казаков, отобьют ясак и завладеют кожаными торбами, доверху набитыми шкурками соболей, песцов, черно-бурых, крестовых и красных лисиц, связками горностаев, оленьим камусом, вяленой рыбой и прочим добром, то убьют и их, служилых якутов. А его, Урманку, сына тойона Нуктуя, зарежут первым. Вот и вся его привилегия.

— Это лучший мужик Токменя, — сказал Урман. — Может, даже сын. У Токменя много жён и много сыновей. Правда, нескольких он уже потерял. — И аманат кивнул на убитого.

— Рожа-то шитая, — заметил, сверкая из-под мохнатых бровей, Устюжанин. — Видать, и правда, из знатных. На песках спал.

— Наверяд, — возразил другой казак, тоже с любопытством разглядывая пленника.

На лице убитого виднелось множество татуировок. Извилистая полоса, словно река Дулгалах в долине между гор, пролегла через весь лоб и по подбородку. На щеках какие-то загадочные узоры-символы, напоминающие одновременно и соляные знаки, и силуэты оленьих рогов. Видать, его тотемом и покровителем был олень — дикий согжой с ветвистыми рогами.

— Воин, — сказал Урман и подёрнул вверх рукав оленьей пóрги².

¹ Аманат — заложник.

² Пóрга (пáрка) — верхняя зимняя одежда тунгусов, изготовленная из оленьих шкур, со вставками из хорошо выделанного меха сохатого, росомахи, собаки. Носили как мужчины, так и женщины.

Якут показал на дорожку синих точек, бегущих от запястья вверх. Некоторые точки были старые, уже расплывшиеся. Другие свежие.

— Воин. Лучший мужик ламутов, — повторил Урман, не отрывая глаз от дорожки расплывшихся точек на смуглой коже ламута, ткнул в них пальцем и зло зашипел по-якутски: — Тут — его добыча. Враги.

Хлопнули один за другим два затажных выстрела. Спустя какое-то время снова ударила пищаль. Послышались голоса.

Казаки насторожились, взяли на изготовку. Но вскоре кедрач в протоке зашевелился, заскрипел снег, и оттуда появились Дружинко и казак Влас Калуга. Они волокли какую-то рухлядь, портё¹ и несколько длинных палым. Впереди, прихрамывая, бежал коренастый тунгус. Был он без шапки. Порга в снегу. Снегом перебиты чёрные как смольё волосы, заплетённые в косичку, перетянутую тонкой сыромятной жилкой.

— Вот, Семён, ясыря взяли! Ещё трое, неживые, там лежат! — И Калуга сгрузил с плеч костяные колонтари и лисью шубу.

Влас был из старых казаков. Верстался в казачью сотню из Устюга вместе с Дежнёвым. Но родом скзывался со средней Оки. Какое-то время числился беглым. С младшей сестрёнкой бежал из разорённых поляками мест между Москвой и Смоленском. Потом пристал к кузнице известного в Устюге мастера Ивана Перфильева, быстро освоил кузнечное дело. Мог сковать и подкову, и клинок сабли, и сработать из заморской серебряной монеты серёжки для сестры. Умел работать по меди и бронзе. В знак дружбы изузорил Семейкин клыч — тяжёлую турецкую саблю. Резные пластины рыбьего зуба² положил на черен. Медную гарду и наверх украсил серебром с устюжской чернью. Был он и хорошим оружейником. Мог починить пищаль, заменить замок.

В дежнёвской ватаге Влас был выше всех на голову. Железные мышцы. Бритая под нож голова на кражистой шее, которая всегда была нараспашку и всегда, даже зимой, казалась загорелой.

Одна беда не оставляла детину — ни в одном якутском селении, ни в одном тунгусском стойбище оленных людей не могли подобрать для него подходящего оленя для верховой езды. О чём Василько Устюжанин не раз насмешничал и, с особым старанием нажимая на родное «о», говорил:

— Не было горя, и это горе. А сохатого мы тебе, Колузя, изловим. Из самой чапорыги за губу выведем! Только объезжать его ты дак сам будь горазд.

Зимой без оленей никуда. Летом в дальний путь казаки ездили на лошадях.

— Ну, стрелок, издадека ль будешь? — спросил Дежнёв ясыря. — Урманко, растолкуй ему. А заодно скажи, что дела его неважные и слезой от пули не откупится.

Ламут сразу всё понял. Вести казаков в селение, где почти не осталось мужчин — одни, вон они, лежат на окровавленном снегу рядом с сыном тойона Токменея, другие ушли за каменный хребет на охоту на диких оленей. Скоро весна, снег станет тяжёлым и глубоким, а реки большими, и в уголья, где много диких оленей, снежных баранов и сохатых, будет не добраться.

— Ну что? Молчит? — Посуровели глаза старшего казака, стали ещё голубее. — Скажи, что, если будет молчать, Влас ему язык развяжет. — И Дежнёв кивнул на Калугу; тот, сбив на затылок лохматую медвежью шапку, такую же тяжёлую, как и вся его одежда и снаряжение, стоял около, и бритый, бугристый синий череп его парил, как залитая каменка.

Привести росомаху в свою юрту... Нет.

Урман повторил вопрос. Ламут молчал. Посмотрел на Власа и, видать, смирившись со своей горькой участью, опустил голову.

Тогда Дежнёв, медленно подбирая слова, словно пробуя на вес каждое, спросил его сам:

— Проведи нас к тойону Токменею. Мы возьмём ясак, исправные нарты и уйдём. Никого не тронем.

Ламут молчал.

Казаки сбили ясыря с ног, придавили к камням, отрезали ножом косичку, перетянутую жилкой, бросили её на снег. Но убивать не стали.

— К твоей юрте приведут твои следы, — сказал ему Дежнёв. — И не дай бог, если твои рёдники моих казаков встретят стрелами.

Проводники-каюры уже наладили повреждённую нарту и впрягли оленей.

Казаки собрались в круг и начали решать, что делать дальше. Уходить с этого проклятого места? Или искать селение тунгусов? Переписать охотников и взять ясак? Нужна ещё пара нарт с оленями, чтобы переложить на них часть груза. Так будет легче оленям, и обоз пойдёт быстрее. Или всё же отпустить ясыря и идти вверх по реке к Якутскому острогу? Чёрт с ними, с ламутами, никто ведь не убит, и слава богу, на том можно и разойтись.

— Завязнем мы здесь, Семён Иванович, — уговаривали начальника отряда сразу несколько казаков. — Не время сейчас. А сюда ещё вернёмся. Вот тогда и соберём.

— У них старый шаман, землю слышит за несколько вёрст. Он уже знает, что их воины убиты. Токменей собирает воинов в погоню.

— Откуда знаешь? — настороженно спросил десятник старого казака.

— В остроге баяли про это стойбище. Дьявол, а не шаман у них. И князец злой, как вепрь. С якутами воюет. Коров у них угоняет, девок крадёт.

— Девки, говоришь? — Дежнёв посмотрел на шитолицего³. — Девки — пушай. Порода лучше бу-

¹ Портё — одежда.

² Рыбий зуб — моржовая кость.

³ Шитолицы — некоторые племена тунгусов, в том числе ламуты, украшали свои лица, руки и другие части тела татуировками: под кожей при помощи иглы протаскивали подкрашенную золой нитку. Делали это как мужчины, так и женщины.

дет. А вот коров уводить... Непорядок. Да и самопал Зуйков воротить надобно. Митрей из него матёрого согжоя с двухсот шагов валил. Хороший самопал.

Дежнёву хотелось вернуть Зуйков самопал. Самопал и бронь можно продать, а вырученные деньги отправить с оказией в Великий Устюг семье Митрея.

Казачи затихли. Каждый из них соглашался со словами старшины: в половодье, как говорят, большой воды не изойдёшь, не в одном, так в другом месте, пусть и не по пояс ухнешь, но ноги промочишь... Если воинов в селении много, они всё равно их настигнут. Устроят засаду поумнее этой и закидают стрелами из-за деревьев, так что и огненный бой не поможет. Да и старшину было уже не остановить, вскипела кровь — за брата-земляка.

Этой горячки, желанья не медля отомстить, он и сам порой побаивался: в такой замятне можно и оступиться. А значит, надо всё продумать, прежде чем входить в ламутское стойбище.

Шли по тропе вдоль замёрзшей реки. Шли быстро, не мешкая. Следы вели в горную долину. Лиственницы здесь стояли чаще, а подлесок казался гуще. Местами лес напоминал тайгу. Впереди тропа будто разрезала кусочек тайги на склоне распадка. Было заметно, что пользовались ею часто и некоторые деревья убрали намеренно, чтобы не мешали проезжать на нартах. Следы оленей, припорошенные снегом, тоже виднелись. Справа и слева возвышались сопки, пологими склонами расходясь до горизонта.

Когда распадок остался позади, шитолицей заволновался. Он то и дело оглядывался по сторонам, и татуированное лицо его начали мучить гримасы. Наконец, словно истратив последние душевные и физические силы, он остановился и упал ничком в снег как подстреленный.

За пленником Дежнёв приказал следить в оба. Казачи даже завязали ему рот, чтобы тот не надумал подать тревожный сигнал своим родникам.

Упавшего в снег тут же подняли, встряхнули и поставили на ноги. Глаза ламута стали большими и бешено вращались. Чтобы пленник не задохнулся, ему развязали рот. Теперь он дышал свободней, но воздух хватал с хрипами.

— Ну, агилкан¹, показывай, где твой князь живёт, — усмехнулся Влас Калуга. — Или ты решил нас за нос поводить? Зачем от тропы уводишь?

Влас внимательно рассматривал лицо ламута, на котором дрожали постоянно меняющиеся гримасы, пытаясь понять, что с ним происходит. Тунгус явно испытывал ужас. И не похоже было, чтобы он притворялся. Однако причину его ужаса понять пока было невозможно.

Дружинко Гусельников огляделся по сторонам, осторожно подошёл к десятнику и шепнул на ухо:

— Я таких видел, Семён. Там, в низовьях. Мухоморов наедятся и давай по земле кататься да хохотать. Во-во, видал, уже жилы надулись...

— Такой и укусить может. — Влас Калуга внимательно разглядывал постоянно меняющееся лицо ламута, его почерневшие и расширенные до невероятности глаза; такие он видел только у больных редкой и страшной болезнью.

— Откуда сейчас мухоморы? — пожал плечами Дежнёв.

Не успел Влас закрыть ламуту рот своей огромной ручищей, как тот резко схватил морозного воздуха и закричал что есть сил:

— Са-ву-у-ун!

Влас сбил ламута с ног, сорвал с него шапку и закрыл ею кричащий рот. Но тунгус извивался горностаем, отбивался руками и ногами, запрокидывал голову и хрипел:

— Арангас! Ар-рангас-гас-с-с!²

Наконец Калуга потерял терпение, ударил шитолицего кулаком по голове, и тот сразу затих, обмяк и даже прикрыл глаза. Приступ необъяснимой лихорадки ламута прекратился.

— Шамана зовёт, — догадался Дежнёв.

Они снова завязали ламуту рот. С обозом оставили Калугу, поручив ему заодно присматривать за пленным, а сами разделились на две группы и пошли осматривать округу.

С тропы они сошли перед распадком, где снег на склоне был выглажен ветрами до ледяного звона. Так что версты полторы-две они шли уже по целику. Ламут их явно обманул и завёл не туда.

— Семён, что он кричал? — допытывался Дружинко у Дежнёва. — Кого звал?

— Сейчас узнаем.

Они вышли на поляну. Под лыжами, подбитыми оленьим камусом, мягко похрустывал снег. Впереди в косых лучах заходящего солнца, на четырех столбах выше человеческого роста чернела деревянная колода, сверху накрытая снежной шапкой в аршин толщиной. К нему вёл соболиный след, размашистая двухчётка.

— Лабаз, — сказал Дежнёв, указывая стволом самопала на необычное строение, черневшее посреди поляны.

— Это так они своих покойников хоронят?

— Покойников. Но не простых. Судя по всему, здесь похоронен шаман.

— Значит, этот бусурман его звал? Своего сатану? — спохватился Василько Устюжанин и проверил затравку на полке своего самопала. — Шли к куме Мане, а попали к деду Ване... Надобно, Семён, отсель уходить. Пока солнце за камень не упало. Место-то, по всему видать, клятое, для православной души противное. Лучше обойти.

¹ А г и л к а н — одно из названий россомахи (звенк.).

² А р а н г а с — лабаз, деревянный ящик, срубленный из плах, в котором тунгусы хоронили умерших.

Казаки торопливо крестились. Василько шептал молитву. Все мысленно её повторяли. Савун — это не воины-ламуты, от которых можно отбиться. Этого и огненным боем не отвадишь.

На сухом дереве рядом с лабазом висела шкура оленя с облезлым черепом и ветвистыми рогами. Жертвенный бык, видать, был крупный.

— Он попытается остановить нас. Со мной такое уже было. — Голос Дружинки Нестерова подрагивал. — Старые тунгусы говорят, что его черти после смерти шамана никуда не деваются. Рядом живут.

— А что они тут делают?

— Что... Его колоду караулят.

— Если кому страшно, не смотрите в ту сторону, — приказал Дежнёв и ещё раз перекрестился. — Уходи по своему следу. Ничего, казаки, не бойтесь. Господь средь нас.

Ему и самому не хотелось оглядываться на угрюмый лабаз посреди поляны, которая венчала эту небольшую сопку, как лысина. Когда они отошли с полверсты, Дежнёв приказал проверить затравку.

— Вот что, братцы. Всем проверить затравку. Если что, палить только по моему приказу. Не ровён час, своих перебьём. Шаман-то за нами идёт. Но бояться его не надо.

Никто ему не ответил. Но Дежнёв почувствовал, как похолодело у всех внутри. Василько шёл и, не оглядываясь, торопливо шептал молитву. Он срезал ножом берёзовую ветку, связал крест и положил его на свой след. Потом точно такие же кресты с молитвой положил на следы товарищей. Черти мёртвого шамана споткнутся на Васильковых крестах и дальше за его товарищами не пойдут. Это он знал по прошлым встречам с духом шамана.

Другая группа, которой Дежнёв поручил искать стойбище ламутов, уже ждала их. Рассказ Прона Тарного был кратким:

— Нашли. Там, внизу. — И казак указал в сторону распадка, за которым белела то ли река, то ли просторная долина.

Туда, в ту долину, залитую одновременно и последним золотом дня, и синевою сумерек, уходило солнце, словно намеревалось там и заночевать.

— Вниз не спускались?

— Нет, не стали. Возможно, у них там сторо́жа. — Прон собрал с усов и бороды намёрзшие сосульки, пошевелил рыжими от табака бровями, что означало — есть соображение.

— Ну? Что там ещё?

— Склон пологий. Сойдём туда легко. Без помех. Только бы не налезть на сторожу.

Ламут уже пришёл в себя. Он сидел посреди тропы прямо, как деревянный истукан, и, тихо раскачиваясь, смотрел в одну точку. Татуировки на его лице, казалось, проступили ещё резче и отчётливее, словно цепочки камней на снегу перед закатом. Похоже, тайные знаки на нём оживали, напоминая хозяину о его предназначении и долге охотника и воина.

— Будешь жить, если проведёшь нас к юрте Токмена, — сказал Дежнёв по-тунгусски.

— Суво, — ответил шитолицый.

— Что это значит?

— Конец дороги.

Казак усмехнулся. Он смотрел в узкие щёлки глаз тунгуса, и тот не выдержал:

— Так называется наше стойбище. Здесь мы всегда зимуем. Весь род.

— Чем же кормите своих оленей? — поинтересовался Дежнёв, видя, что ламут наконец развязал язык.

— Оленей угоняем туда. — Он махнул в полночную сторону. — Когда река останавливается, мы перегоняем их в тундру. К диким. Там много ягеля. Я проведу люча к юрте Токмена, — сказал шитолицый, и скулы его заострились и мгновенно покрылись снежной крупой, как у мёртвого. — Только я должен знать, не идёт ли за нами савун Тай.

— Его зовут Тай?

— Тай, — кивнул головой шитолицый. — Тай очень сильный шаман. Он из нашего рода. Он сильнее Токмена. У него много шайтанов. И всех их Тай может пустить по нашему следу. Твои люча не смогут справиться с шайтанами Тая. Их больше. И они хитрей.

— Ничего, справимся, — сказал Дежнёв и похлопал ладонью по ложе пишали.

Шитолицый нахмурился.

— Как же вы теперь живёте без шамана? — спросил Дежнёв.

— У нас есть шаман. Амускан. Молодой. У него только две жены. Молодой... — И шитолицый небрежно махнул рукой.

Услышав о жёнах, Влас Калуга невесело усмехнулся. Второй раз в Ленский острог с очередным отрядом стрельцов привозили из Москвы, Смоленска, Калуги и подгородных волостей девок, и снова казак оказывался где-нибудь в очередной экспедиции на дальней реке и под честной дуван¹ не попадал. И опять только издали поглядывал на чужих жонок.

В Сибирь большинство казаков попало молодыми парнями, порой и не ведавшими главной мужской забавы. Многие, осев в острогах и крепостницах в устьях сибирских рек и на главных волоках, мечтали привезти из России своих невест. Но государева жалованья пока не хватало, чтобы съездить на далёкую родину и высватать там ту, которая снилась ночами. И теперь, заматеревшим и втянувшимся в нелёгкую, но вольную и удающую службу, чтобы не вольничали по самоедским стойбищам и не имали, утоляя голодную мужскую кровь, чужих жонок, Сибирский приказ время от времени присылал партии девок. Разбитных и таких же вольнонравных, как сами казаки, с тёмным прошлым и угарным огнём в глазах. Стрельцы, сопровождавшие их, сказывали, что собирали тех веселух по кабацким и весёлым местам

¹ Дува́н — военная добыча (*казак.*).

со всей Расаеи, правда, по их собственной воле. Им, согласным на сибирский путь и житьё на заимках и в острогах, давали даже щедрые подорожные из казны — по горсти монет и по пуду муки. Девочек расхватаывали ещё по пути к Олекминскому и Ленскому острогам, сразу за Большим Камнем в маленьких острожках и городках, так что до Витима, Алдана и Лены для тамошних женихов оставались одни перестарки да заболевшие в пути, на которых не позарились ни тобольские, ни енисейские. Но и они не задерживались ни в съезжей избе, ни на постоялом дворе, а сразу же расходились по дворам казаков. Кого из соромных тут же вели в церковь, к батюшке, чтобы тот не мешкая обвенчал, потому что у крыльца уже стояли запряжённые лошади и ждал десятник — надо было ехать куда-нибудь в дальнее стойбище за ясаком или закладывать новый острожек в устья вновь открытой реки. Кого брали в качестве работников. Баба в Сибири была дорожке самого доброго коня и голландского самопала.

Так что Влас по-прежнему ходил в женихах и ждал своей судьбы с очередным обозом из-за Большого Камня. Товарищи посмеивались над Власом: «Ничто, ничто, Калузья, государь тебе особо завидную девку подбирает». — «Что-то долго», — подхватывал шутейный тон и Калуга. «Видать, с приданным всё никак, — успокаивали казаки товарища. — Эх, Влас! Зато твоя как приедет — подол полный злата-серебра!..»

Когда речь заходила о подолах, у казаков, особенно у неженатых, мутилось в головах.

— Тай бывает злой, — снова заговорил шитолицый, чувствуя расположение старшего из казаков, который теперь уже казался и не таким уже злым, к тому же разговаривал на языке его племени. — Когда солнце растопит снега и большая вода уйдёт в Студёное море, мы будем хоронить Тая в земле.

— Так вы ж его уже похоронили.

— Ещё раз. Теперь в земле. Навсегда. Так надо. Чтобы не мешал живым.

Он слышал об обычаях ламутов и тундровых якутов хоронить своих шаманов несколько раз. Вначале шамана хоронят в арангасе. Лабаз рубят юноши, которые ещё не познали женщин. Первую зиму тело шамана лежит в этой грубой, неумело срубленной колоде. В начале лета его закапывают в землю. Если его шайтаны начнут досажать роду, тело похоронят ещё раз, снова в земле, под чёрным камнем.

Шитолицый похлопал себя по щекам и по губам:

— Нельзя называть его по имени. Нельзя. Шайтаны обозлятся, побегут по следу. Нельзя тревожить. Да весны абасы¹ будет охранять его. Потом Тай умрёт. Его убьют другие шаманы. Мы узнаем об этом, потому что умрёт кто-то из его родственников. Чтобы он не делал больше зла, надо закопать его лицом вниз и на затылок положить чёрный камень. Он

не должен приходить в мир людей. И тогда мы не станем больше поднимать его кости.

— А теперь скажи вот что: кто носил бронь люча и кем он доводится тойону Токменею. — И Дежнёв похлопал рукавицей по заиндевелой чешуе доспеха, снятого с убитого ламута.

— Буркан, сын Токменея. Токменей стар, он даже женщину уже не берёт. А Буркан был сильным воином и скоро должен был стать тойоном.

Сборы их были недолгими. Досыпали в боярки пороху и жеребья, подтянули ремни доспехов, проверили ружейные жагры и двумя немногочисленными отрядами начали спускаться по склону к Суво.

Молодой шаман Амускан вернулся с охоты в свою тёплую юрту. Юрта его была одной из лучших в зимовье Суво. Её сложили из толстых брёвен лиственницы в ту пору, когда ещё был жив отец Амускана, старый шаман Тай. Тая боялись все, даже Токменей и его сыновья, и потому юрту строили старательно. Два входа. Один со стороны реки, за которой всходило солнце. Другой — с полуночной стороны. Брёвна проконопатили мягким мохом. Сверху засыпали землёй.

Каждую осень, когда семьи возвращались с летних кочевий, Амускан внимательно осматривал жильё и всегда что-то ремонтировал. Вот и нынче он подсыпал земли там, где её разгребли тундровые мыши леминги.

Жёны хлопотали возле очага, обложенного белыми камнями посреди юрты. Пахло варёной олениной и чем-то ещё, более родным и желанным, по чему он соскучился за эти двое суток, проведённых за рекой. Амускан снял медвежью шапку, мех которой лез в ноздри и путал запахи, поднял голову и принюхался, как делает это таёжный зверь в поисках самки. Теперь запахи не путались, и сквозь густой аромат, исходящий от котла на очаге, он явственно почувствовал запах волос младшей своей жены. Дюлекан быстрыми и уверенными стежками сшивала части парки, скроенные из хорошо выделанной, мягкой, как свежий снег, шкуры молодой оленихи. Кроить парку ей помогала старшая, Денеул, которая теперь возилась возле котла и время от времени поглядывала на быстрые руки младшей.

Старшая жена Амускану досталась два года назад, когда на реке дух — хозяин воды Мудико забрал старшего брата Гулахана. Гулахан ловил в реке омуля, и Мудико, узнав его, свернул огромный бурун, так что несчастный рыбак, даже не успев крикнуть и позвать на помощь, мгновенно исчез в чёрной урчащей воронке вместе с берестяной лодкой. Дяв² потом нашли ниже шиверов на прибрежных камнях. Мудико разорвал лодку на несколько частей, он терзал её, будто разъярённый медведь. На бересте охотники видели следы его когтей и примерно определи-

¹ Абасы — злой дух.

² Дяв — лёгкая берестяная лодка тунгусов.